№ 11. № 11.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на неоффиціальный отдѣлъ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» слѣдующая: въ Нижнемъ-Новгородѣ съ доставкой и пересылкой въ другіе города 2 р. 20 к.

Подписка принимается въ типографіи губернскаго правленія и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПО СРЕДАМЪ.

№ 11.

15 марта 1895 года.

За припечатаніе частныхъ объявленій:

На первой страницѣ 20 к., на послѣдней 10 к. съ строки петитъ въ одну колонну за три раза.

За доказательный № губернскихъ вѣдомостей 20 к.

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя редактору, должны быть за подписью и съ адресомъ автора. Мелкія статьи, признанныя неудобными для печатанія, не возвращаются. Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и измѣненію. Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Губ. Вѣд.“, въ кремлѣ, въ зданіи губернской типографіи.

ПОСЛѢДНІЯ ТЕЛЕГРАММЫ.

(Российск. Телегр. Агентства.)

Петербургъ, 14 марта. По заявленію тульскаго губернатора, что въ настоящее время въ школахъ обучаются по преимуществу мальчики: ихъ 4/5 всего состава учащихся, между тѣмъ весьма желательно привлечь къ образованію возможно большее число дѣвочекъ, такъ какъ на грамотности женщинъ-матерей покоится образованіе народа,—послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „Совершенно согласенъ съ этимъ, вопросъ этотъ чрезвычайной важности“.

Иваново-Вознесенскъ, 14 марта. Здѣсь открыто отдѣленіе русскаго техническаго общества.

О названіи Нижняго-Новгорода.

(Замѣтка).

(Окончаніе).

Лѣтонисецъ нижегородскій, въ первыхъ строкахъ своихъ повѣдавшій намъ объ основаніи Нижняго Новгорода и о нареченіи имени ему „новъ градъ нижвій“, на страницахъ 27 и 28 (по Гацискому) сообщаетъ слѣдующій печальный фактъ изъ нижегородской жизни: „шестые тысящи: внижнемъ новѣ градѣ, подъ старымъ городкомъ, въ верхъ по окѣ рѣкѣ, была слобода на берегу оки рѣки. И Божіимъ изволеніемъ, грѣхъ ради нашихъ оползла гора съ верху надъ слободою, и засыпало въ слободѣ сто пятьдесятъ дворовъ и слюдми, и со всякою скотиною. А тотъ городокъ поставленъ какъ великіе князи суждалскія ходили на взысканіе мѣста гдѣ-бъ градъ построить, и жити въ немъ, и распространити княженіе свое суждалское за окою и за волгою рѣками, и мордву-бъ поганую отгонить, и землю у нихъ отнять“.

Этотъ старый городокъ—построеніе суздальскихъ князей—стоялъ на вершинѣ горы Гремячей, что между нынѣшними Похвалинскимъ съѣздомъ и Сергіевскимъ оврагомъ, въ которую теперь упирается въ приреченой ложбинѣ плашкоутный чрезъ Оку мостъ. Отвѣсная почти вверху Гремячая гора—внизу ближе къ основанію представляетъ значительную вздутость съ уклономъ къ окскому берегу: это и есть слѣды оползня, подъ которымъ погребены сто пятьдесятъ дворовъ съ людьми и со всякой скотиною въ шестой тысящи лѣтъ. И вотъ, если бы мы не особенно въ давнее время, пролагая зигзагами по Гремячей пути-дорожки къ „безпутному“ дотолѣ саду Смирнова для удобства ярмарочныхъ гулякъ, хстя бы изъ простого любопытства копнулись заступомъ поглубже въ пупъ выпуклости, то предъ нами могла бы предстать наша искомая—ископаемая Помпея.

Городъ—построенія Юрія II владимірскаго князя—основанъ имъ на горѣ Зеленской или Часовой, что между нынѣшними Зеленскимъ и Георгіевскимъ съѣздами. Городъ этотъ болѣе поздняго построенія, чѣмъ городокъ на Гремячей—созданія суздальскихъ князей и потому онъ нареченъ основателемъ по отношенію къ суздальскому старому „новымъ“ городомъ; а такъ какъ Часовая гора уступаетъ Гремячей и по возвышенности поверхности и по самому теченію Оки, Часовой городъ въ отличіе отъ Гремячаго названъ еще и „нижнимъ“ (*). Впослѣдствіи времени изъ „нова града нижняго“ сформировался „Нижній Новгородъ“, а въ близкое къ намъ время и просто въ „Нижній“, такъ что теперь всѣ и вся знаютъ нашъ городъ подъ именемъ „Нижняго“ безъ прибавки „Новгорода“, и никто и никогда не ошибется достигнуть по адресу „въ Нижній“—именно въ нашъ городъ, а не въ Ломовъ какой-нибудь, или Колымскъ и Удинскъ, тогда какъ „Владиміръ“, напримѣръ, городъ болѣе древній, чѣмъ нашъ, и болѣе славный въ нашей исторіи, чѣмъ „новъ градъ нижній“ при одномъ только своемъ соименникѣ „Владимірѣ на Волыни“ и при томъ съ опредѣленнымъ именемъ не могъ отвоевать себѣ и по сіе время такого легкаго адреса, а требуетъ непремѣнно прибавки „губернскій“, или

(*) Труды IV Археологич. съѣзда въ Россіи, т. I, отд. II, стр. 181. Казань 1884 г. „Меньшимъ“ Нижній Новгородъ называется въ лѣтописахъ въ смыслѣ лѣтъ существованія по отношенію къ старому верхнему городу, что на Гремячей: новъ градъ меньше—моложе стараго града.

МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

Въ воскресенье въ Кунавинѣ происходила встрѣча иконы Феодоровской Божіей Матери. Икона принесена изъ Сормова и поставлена въ Александро-Невскую церковь, гдѣ она будетъ находиться до открытія навигаціи.

Въ память бракосочетанія Ихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, на средства нижегородскаго Свято-Георгіевскаго общества хоругвеносцевъ и на добровольныя пожертвованія нижегородцевъ, сооруженъ ковчегъ для Оранской иконы Божіей Матери. 22-го минувшаго февраля епископомъ нижегородскимъ и арзамасскимъ Владиміромъ одобрены проекты надписей на этомъ ковчегѣ.

Въ четвергъ, 9 марта, въ день погребенія тѣла скончавшагося бывшаго губернскаго предводителя нижегородскаго дворянства И. С. Зыбина, въ соборномъ храмѣ Крестовоздвиженскаго монастыря была совершена заупокойная обѣдня по почившемъ. Послѣ послѣдовавшей за ней панихиды, совершенной соборне, тѣло скончавшагося было предано землѣ на монастырскомъ кладбищѣ. На богослуженіи присутствовалъ г. начальникъ губерніи Н. М. Барановъ, вице-губернаторъ А. И. Чайковскій, городской голова баронъ Д. Н. Дельвигъ, и. д. уѣзднаго предводителя дворянства А. В. Важеновъ и мѣстные дворяне, а также значи-

тельное количество лицъ, знавшихъ покойнаго и пришедшихъ отдать послѣдній долгъ.

---

9 марта г. городскимъ головой барономъ Д. Н. Дельвигъ получено письмо отъ г. помощника попечителя московскаго учебнаго округа К. И. Садокова слѣдующаго содержанія:

„Въ день юбилея моего 22 февраля с. г. по случаю 50-лѣтія служенія моего по народному образованію, Вы изволили сообщить мнѣ, что дума, памятуя, что большая часть этого служенія принадлежитъ Н.-Новгороду, гдѣ, кромѣ административно-педагогической дѣятельности, я состоялъ и гласнымъ думы, просила Васъ передать мнѣ ея поздравленія и благопожеланія, а также и то, что ею установлено учредить при мѣстной губернской гимназіи постоянную имени моего стипендію по подпискѣ глубоко уважающихъ меня нижегородцевъ. Прошу васъ покорнѣйше, ваше превосходительство, доложить думѣ, что я глубоко тронутъ такимъ лестнымъ высокимъ почетомъ. Отъ всей полноты души моей приношу ей искреннѣйшую мою благодарность“.

На прошлой недѣлѣ, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора А. И. Чайковскаго, происходило засѣданіе комитета по управленію домомъ трудолюбія. Собраніемъ обсуждались текущія дѣла, причемъ состоялись нѣкоторыя постановленія, имѣющія важное значеніе. Такъ рѣшено: 1) организовать постоянныя народныя чтенія въ домѣ трудолюбія; 2) просить его превосходительство А. И. Чайковскаго оказать свое содѣйствіе къ устройству концерта въ пользу дома съ цѣлью усиленія его средствъ, и 3) обратиться съ ходатайствомъ къ нижегородскому отдѣленію общества охраненія народнаго здравія объ устройствѣ въ домѣ трудолюбія ежедневныхъ амбуляторныхъ пріемовъ больныхъ. Собраніе признало желательнымъ, чтобы мѣстное населеніе не отказывало дому трудолюбія въ тѣхъ вещахъ, которыя оказываются ненужными въ домашнемъ обиходѣ: всякая ломаная мебель, посуда и т. п. рухлядь комитетомъ будетъ принята съ благодарностью.

Благодарность постановлено выразить И. М. и М. М. Рукавишниковымъ за пожертвованіе вывѣсокъ для дома трудолюбія, М. Е. Башкирову—за присланное имъ разное имущество.

Изъ прочитаннаго М. Ф. Кульчицкимъ отчета видно, что въ теченіе февраля въ домѣ трудолюбія работало мужч. 2439, женщ. 1949 и дѣтей 501, даровымъ обѣдомъ пользовались 7067 и на призрѣніи находилось 30 мужч., 15 женщ. и 1 дѣт. (Вол.).

Въ мѣстности будущей всероссійской выставки для услугъ будущимъ посѣтителямъ выставки строится цѣлый рядъ гостиницъ. Постройки эти легкія, изъ дерева. Между прочимъ, строютъ гостинницы петербургскіе предприниматели г.г. Александровъ и Ломачъ, но есть и другіе. Главный изъ нихъ г. Смѣльницкій; онъ заявилъ выставочному комитету о намѣреніи своемъ устроить гостинницу съ 1000 номерами и испросилъ для этого огромный участокъ земли, смежный съ выставкою. Началась постройка съ зимы. Къ марту было уже выведено вчернѣ нѣсколько корпусовъ. Работы производились хозяйственнымъ способомъ, черезъ прикащика отъ Смѣльницкаго; довѣренный нанималъ плотниковъ, а архитекторъ Н. П. Ивановъ наблюдалъ за постройкой. На постройкѣ въ послѣднее время работало до 200 человѣкъ. Въ то время, какъ одни корпуса подготовлялись уже подъ застилку крыши,—другіе быстро воздвигались вновь.

10 марта въ 6-мъ часу утра пришли на постройку плотники и, по указанію десятниковъ, стали на мѣста, каждый къ своему дѣлу. Передъ этимъ, съ ночи дулъ сильный вѣтеръ, который продолжался и утромъ. Одинъ изъ десятниковъ, бывшій съ рабочими, осматривая работы, замѣтилъ, что крайній (къ дальнему концу выставки) корпусъ, длиною 30 саженъ, возведенный только вчернѣ и еще не скрѣпленный, отъ напора вѣтра какъ будто покосился. Десятникъ, сообразивъ объ угрожающей опасности, сказалъ рабочимъ, которые поторопились уйти, но не всѣ; въ это время порывомъ вѣтра сорвало одну изъ башенъ сказаннаго корпуса или барака. Толчекъ отъ упавшей тяжести передался всему корпусу, который рухнулъ. Внутри барака оказались 8 или 9 человѣкъ, изъ которыхъ тѣ, которые получили болѣе легкіе ушибы, присоединились къ числу рабочихъ, стоявшихъ около рухнувшаго барака, пятерыхъ же пришлось отправить въ городскую Бабушкинскую больницу.

Приводимъ списокъ пострадавшихъ:

1) Яковъ Шибаевъ, крестьянинъ нижегород. губерн., княгинин. уѣзда, 23-хъ лѣтъ.

2) Александръ Касаткинъ, крестьянинъ костромской губерн., варнавинскаго уѣзда, 28-ми лѣтъ.

3) Иванъ Ушаковъ, крестьянинъ владимір. губерн. и уѣзда, 30 ти лѣтъ.

4) Константинъ Носовъ, крестьянинъ костром. губерн., варнавин. уѣзда, 23-хъ лѣтъ

и 5) Михаилъ Колобовъ, крестьянинъ нижегород. губ. и уѣзда, 26-ти лѣтъ.

О причинахъ катастрофы прокурорской властью производится слѣдствіе.

Мѣсто катастрофы посѣтилъ начальникъ губерніи Н. М. Барановъ. Отсюда его превосходительство прослѣдовалъ въ Бабушкинскую больницу, гдѣ посѣтилъ пострадавшихъ рабочихъ. Господиномъ начальникомъ губерніи сдѣлано распоряженіе, чтобы пострадавшіе рабочіе и ихъ семьи были вознаграждены строителемъ гостинницы. (Вол.)

---

10 марта, въ 5-мъ часу дня, выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни нижегородскій губернскій инженеръ Н. П. Ивановъ.

Всероссійская выставка 1896 г.

въ нижнемъ-новгородѣ.

Сибирскій отдѣлъ всероссійской выставки 1896 г. обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Недавно, какъ сообщаютъ „Волгарю“, въ г. Балаганскѣ (въ Восточной Сибири) была устроена выставка предметовъ, предназначенныхъ къ отправкѣ на выставку въ Нижній-Новгородъ. Особенно богатъ былъ отдѣлъ мѣстныхъ промысловъ и сельскаго хозяйства. Крестьяне представили больше предметовъ, чѣмъ инородцы. Но отдѣлъ послѣднихъ гораздо разнообразнѣе. Въ немъ фигурируетъ 16 моделей предметовъ бурятскаго хозяйства и обихода: арбы, сани, жбаны, унты, игрушки, мольки и т. п. Инородецъ г. Баторовъ выставилъ, между прочимъ, чучело крайне рѣдкаго животнаго —обитателя Саянскаго хребта. Оно до сихъ поръ еще не причислено зоологами къ отдѣльному виду и представляетъ нѣчто среднее между собакой и волкомъ. (Вол.)

По губерніи.

(Корреспонденціи „Ниж. Губ. Вѣд.“).

СЕМЕНОВСКІЙ УѢЗДЪ, 5 марта.

2 марта на почтовомъ трактѣ отъ города Н.-Новгорода до г. Семенова имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Близъ дер. Слободскаго дроздовской волости слѣдовавшей изъ Нижняго на двухъ тройкахъ почтѣ повстрѣчались ѣхавшіе на собственной лошади крестьяне деревни Зоренокъ Иванъ и Григорій Ильины. Ямщики почты—крестьяне Тимофей Семеновъ Рюминъ и Григорій Арсентьевъ Марьевъ потребовали, чтобы Ильины своротили съ дороги, но послѣдніе отказались исполнить требованіе, почему между ямщиками и Ильиными произошла ссора, во время которой Иванъ Ильинъ ударилъ коломъ ямщика Рюмина настолько сильно, что тотъ тутъ же свалился и лишился сознанія. Вмѣсто пострадавшаго ямщика Рюмина былъ взятъ одинъ изъ крестьянъ дер. Слободскаго и только послѣ этого почта отправилась въ дальнѣйшее слѣдованіе.

Г. БАЛАХНА.

(Письмо соб. кор. „Ниж. Губ. Вѣд.“).

Среди великопостнаго затишья большое оживленіе внесъ въ жизнь нашихъ обывателей пріѣздъ присяжнаго повѣреннаго г. Плевако. Въ самомъ дѣлѣ,—Плевако и въ Балахну!.. Наивныя балахнинцы даже головы подняли, поглядывая другъ на друга съ неподдѣльнымъ горделивымъ самосознаніемъ.

Не только обыватель города, но даже и такъ называемая деревенская „листократія“ засуетилась и заволновалась, узнавъ, что черезъ нѣсколько дней чрезъ ихъ мѣстность долженъ проѣхать „самъ“ Плевако.

Въ день, когда Плевако долженъ былъ выступить въ качествѣ защитника крестьянина с. Городца Егора Пряхина, зала суда была полнымъ полна публики. Часть публики пришла посмотрѣть и послушать знаменитаго адвоката, часть была привлечена тѣмъ, что дѣло Пряхина должно было разбираться во второй разъ.

Обвинялся Пряхинъ въ покушеніи на убійство съ цѣлью грабежа. Сущность дѣла такова. Пряхинъ жилъ въ работникахъ у своего дяди, городецкаго торговца мукой, Малышева. Въ ночь подъ Срѣтеніе прошлаго 1894 года онъ задумалъ обобрать дядю. Дядя былъ раскольникъ. Зная, что онъ будетъ наканунѣ Срѣтенья справлять утреню, Пря-

---

„на Клязьмѣ“, или „Клязьменскій“, безъ чего васъ, или ваше добро смѣло отправятъ на Волынь, а между тѣмъ въ „Нижній“ вмѣсто Нѣжина (по созвучію) еще 4 января 1825 года былъ завезенъ ямщиками кефалонійскій митрополитъ Агаѳангелъ (Ист. ниж. іер., стр. 219). Эту популярность „новъ градъ нижній“, какъ „Нижній“ по кличкѣ получилъ съ переводомъ въ него изъ Макарьева ярмарки всего 76 лѣтъ назадъ.

Но вотъ въ чемъ вопросъ: имѣетъ ли нашъ городъ въ собственномъ смыслѣ опредѣленное себѣ имя, такъ какъ то, подъ которымъ онъ въ настоящее время демонстрируетъ повсюду есть не болѣе, ни менѣе, какъ второе опредѣлительное прилагательное къ городу, основанному Юріемъ II. И хотя лѣтописецъ и прямо говоритъ, что „князь Юрій заложилъ градъ и нарече имя ему новъ градъ нижній“, но можно сомнѣваться, чтобы то имя ему было дано княземъ Юріемъ, какъ имя собственное, извѣчное, на всѣ времена, а скорѣе просто какъ временное означеніе заложенному, но еще не оконченному построеніемъ городу въ отличіе отъ стараго—верхняго, но это временное означеніе такъ и осталось за городомъ юрьевскаго построенія въ дальнѣйшее потомство безъ опредѣленнаго имени, въ родѣ, напримѣръ, Юрьева, Окска, Волжска и проч., какъ не имѣлъ опредѣленнаго имени себѣ и старый-верхній городъ на Гремячей горѣ суздальскаго построенія и такъ безъ имени сошедшій (оползшій) съ исторической сцены.

„Новъ градъ нижній“ не удобный въ произношеніи по своей сложности и разстановкѣ словъ въ послѣдующія времена—по требованію уклада русской рѣчи—перешелъ въ „Нижній Новгородъ“, а въ наше суетливое время, когда всѣмъ и каждому некогда, когда у всѣхъ дѣла по горло, когда не стало времени тратить свободныхъ минутъ на лишнія даже слова—трехъэтажный „Нижній-Нов-городъ“ превратился просто въ „Нижній“.

Сохрани его Богъ „оползти“ еще „ниже“!

Ап. Можаровскій.

СЕЛО БОЛЬШОЕ МУРАШКИНО.

Мурашкино по писцовымъ книгамъ 1681 г.

(Продолженіе).

IX.

По указу государей
Іоанна и Петра
Чрезъ писцовъ подробна опись
О Мурашкинѣ была:
Въ немъ количества церквей
И наружность вида ихъ,
Также двухъ монастырей
И числа живущихъ въ нихъ.

Были посланы: подьячій—
То Антоновъ былъ Мартынъ,
Да Саймановъ Афанасій
Борисовичъ (тоже) сынъ.
Хоть и сухо описана,
Любопытна старина
Къ счастью въ очеркѣ она
Нынѣ намъ передана. [1])
Здѣсь стихи писать оставивъ,
Прозой перепись начну.
Какъ то Саймановъ составилъ
Лѣтъ за двѣсти въ старину. [2])

X.

Переходное состояніе Мурашкина въ XVIII вѣкѣ.

Пораженный подъ Полтавой,
Шведскій Карлъ король бѣжалъ
Ужъ въ турецкую державу.
Тамъ султана подучалъ

[1]) Очеркъ этотъ составилъ дѣйствительный членъ Нижегородской ученой архивной комиссіи г-нъ Ѳедоровъ по просьбѣ и сочувствію къ нему мурашкинскихъ старожиловъ. Онъ въ теченіе трехъ лѣтъ трудился, отыскивая въ историческихъ книгахъ, чтобы найти что-либо о Мурашкинѣ, и энергически докончилъ трудъ. А не потрудись онъ, и я не написалъ бы этой поэмы, въ которой изложилъ много подробностей, которыхъ въ очеркѣ нѣтъ, или не попали туда, какъ по неважности нестоющія вниманія, или неизвѣстныя г. Ѳедорову.

[2]) Писцовыя книги, составленныя въ 1681 году писцомъ Афанасіемъ Борисовичемъ Саймановымъ и подьячимъ Мартыномъ Антоновымъ начинаются описаніемъ существовавшихъ тогда въ Мурашкинѣ монастырей: Спасо-Преображенскаго мужского и Троицкаго женскаго (нынѣ приходскія церкви). Первый былъ построенъ неизвѣстно когда и упоминается съ 1624 года.

Онъ—начать войну съ Россіей.
И султанъ согласенъ сталъ.
Кантемиръ валахскій Дмитрій
И Молдавскій Бранкованъ

Были Турціи вассалы.
Но какъ турки христіанъ
Въ ихъ владѣньяхъ притѣсняли,
То Петру и обѣщали

Кантемиръ и Бранкованъ
Въ помощь войско, провіантъ.
Кантемиръ въ томъ вѣренъ былъ,
Бранкованъ же измѣнилъ.

Чтобъ турецкихъ войскъ вторженье
Въ русскій край предупредить,
Самъ Петръ съ войскомъ къ ихъ владѣньямъ
Не замедлилъ подойти.

Но на Прутѣ окруженный
Двухъ-сотъ тысячнымъ врагомъ,
Петръ съ султаномъ миръ, но честный
Заключить ужъ былъ готовъ.

Межъ условіями мира
Турка требовалъ на казнь
Господаря Кантемира.
Въ томъ царь Петръ имъ отказалъ.

Всѣ свои завоеванья
Петръ отдать имъ былъ готовъ,
Чѣмъ отдать на истязанье
Кантемира въ власть враговъ.

Замирились. И въ Россіи
Кантемиръ сталъ жить, и въ ней
Онъ оставилъ дочь Марію
И князей трехъ сыновей. *)
Имъ то было подарено
И Мурашкино село,
Но зачѣмъ-то отобрано
Было вновь въ казну оно.
Часть лишь малая осталась
За Маріей Кантемиръ,
А по смерти все досталось
Ея братіямъ роднымъ.
А отъ нихъ переуступкой
И продажею людей,
Переходомъ изъ рукъ въ руки,
Половина мурашей
По частямъ принадлежала
Четверымъ здѣсь господамъ.
Кои вѣкъ здѣсь не живали,
При дворѣ всѣ занимали
И въ столицахъ должность тамъ.
Но позднѣе это было
По Второмъ уже Петрѣ,
А при Аннѣ взяли силу
Иностранцы при дворѣ.
Уничтожила власть эту
Дочь Петра Елизавета
И на первомъ стали планѣ
Снова русскіе дворяне.

*) Сыновья Дмитрія Кантемира были: Матвѣй, Сергѣй и Антіохъ (знаменитый писатель сатирикъ).

Вотъ она и подарила
Мурашей часть Михаилу
Бѣлосельскому вельможѣ. [1])
По кончинѣ же ихъ [2]) тоже

Унаслѣдовалъ одинъ
Александръ Михайлычъ сынъ
Бѣлосельскій бѣлозерскій. [3])

При Второй Екатеринѣ
Онъ посланникомъ въ Туринѣ
И Дрезденѣ главный былъ;
Онъ царицу и просилъ:

Увеличить содержанье,
Получаемое имъ,
Но къ стыду его желанье
Разлетелося, какъ дымъ.

Въ томъ царица отказала.
Вотъ отвѣтъ какъ написала:

„Прошу отписать его сіятельству, чтобъ протянулъ ножки по одежкѣ и нижѐ подумалъ о прибавкѣ его содержанія, о которой коллегія и подумать не смѣетъ докладывать. [4])

[1]) Онъ былъ вице-адмиралъ и генералъ-кригсъ-комиссаръ.

[2]) За смертію Михаила Андреевича его часть Мурашкина перешла ко вдовѣ его Натальѣ Григорьевнѣ.

[3]) По смерти Александра Михайловича его часть Мурашкина поступила въ раздѣлъ его дочерямъ: Марьѣ Власовой 315 душъ, Зинаидѣ Волконской 270 душъ, Лаптевой 742 души. По смерти часть ея перешла къ З. А. Волконской, а отъ нея къ сыну ея А. Н. Волконск., который въ 1841 г. прикупилъ часть тетки своей Власовой и сталъ владѣльцемъ частей, принадлежащихъ его матери и теткамъ.

[4]) „Русская старина“, издан. 1875 г. кн. XI стр. 453.

хинъ ночью вошелъ въ домъ Малышева и сказалъ горничной Тюкаловой, что его прислалъ изъ молельни дядя за молитвенникомъ. Горничная дала Пряхину свѣчу, тотъ зажегъ ее и отправился въ верхнія комнаты Малышева съ цѣлью взломать письменный столъ, въ которомъ хранилъ Малышевъ деньги. Однако „совѣсть зазрила“ Пряхина и онъ въ ужасѣ сбѣжалъ внизъ. На встрѣчу ему попалась горничная, онъ нанесъ ей нѣсколько ранъ топоромъ, потомъ бросился бѣжать. Послѣ этого Пряхинъ изъ Городца исчезъ. Былъ онъ въ Козинѣ у родственника, былъ за Волгой. Будучи пойманъ, онъ чистосердечно во всемъ признался. До совершенія преступленія, по словамъ всѣхъ свидѣтелей, Пряхинъ отличался самой хорошей жизнью и былъ безусловно честенъ. Зачѣмъ, съ какой цѣлью нанесъ онъ раны горничной, Пряхинъ объяснить не могъ, вслѣдствіе этого былъ поднятъ вопросъ объ его психической невмѣняемости и Пряхинъ въ теченіе мѣсяца находился на испытаніи въ нижегородской психіатрической лѣчебницѣ. Однако врачи, на испытаніи у которыхъ былъ Пряхинъ, признали его вполнѣ нормальнымъ. По всей вѣроятности это и послужило основаніемъ для обвинительнаго приговора, который вынесли Пряхину присяжные въ первый разъ При вторичномъ разборѣ показанія свидѣтелей не измѣнились нисколько и сущность дѣла оставалась прежней. Обвинялъ, какъ и въ первый разъ, товарищъ прокурора г. Кафафовъ. При вторичномъ разборѣ дѣла, онъ едва поддерживалъ обвиненіе. Присяжнымъ было поставлено шесть вопросовъ, смыслъ которыхъ таковъ: виновенъ ли Пряхинъ въ покушеніи на убійство съ цѣлью грабежа, виновенъ ли въ грабежѣ, въ разбоѣ, въ нанесеніи побоевъ. На всѣ вопросы присяжные дали отрицательный отвѣтъ.

Сущность рѣчи г. Плевако была такова: не отрицая намѣренія у Пряхина ограбить дядю, Плевако находилъ, что побои горничной обвиняемый нанесъ уже безъ всякаго намѣренія: когда въ немъ заговорила совѣсть, онъ не сталъ взламывать стола и въ ужасѣ убѣжалъ внизъ. Тутъ подвертывается горничная и Пряхинъ, самъ не сознавая ничего отъ волненія, причиненнаго проснувшейся совѣстью, наноситъ ей удары топоромъ.

Защитительная рѣчь длилась полчаса. За защиту Плевако взялъ съ Пряхина 700 руб. (*).

Въ эту же сессію разбиралось весьма интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло по обвиненію крестьянки макарьевскаго уѣзда, костромской губерніи Гонобобелевой въ кражѣ 10 тысячъ рублей у балахнинскаго крестьянина Лукъянычева и крестьянъ села Городца Шаталова и Лѣсновой въ укрывательствѣ краденаго. Въ этомъ дѣлѣ, какъ въ панорамѣ, отразилась вся жизнь со всѣмъ ея укладомъ промысловыхъ селъ, типичнымъ олицетвореніемъ котораго является нашъ Городецъ. Представители всѣхъ слоевъ такого села фигурируютъ въ этомъ дѣлѣ. Вотъ представитель „высшаго“ сельскаго сословія „толстосумъ“ крестьянинъ-тысячникъ Лукъяновъ. Нужно ему было ѣхать за покупками. Взялъ онъ крупную сумму 27 тысячъ рублей, хотѣлъ было сѣсть на пароходъ, чтобы ѣхать въ Нижній, да „какъ-то“ очутился въ городецкомъ трактирѣ Чернышева и пошелъ крутить съ благопріятелями. Наконецъ, на сцену является „дама“—тоже особое сословіе нашихъ большихъ промысловыхъ селъ, жизнь которыхъ отразила въ себѣ все грубое и дикое изъ жизни городовъ. „Дама“ Гонобобелева Авдотья не выдерживаетъ: блескъ денегъ смущаетъ ее, она незамѣтно вынимаетъ у него бумажникъ. Отдѣливъ второпяхъ нѣсколько пачекъ, Гонобобелева также незамѣтно кладетъ бумажникъ на прежнее мѣсто. Вопросъ—куда спрятать деньги? На литейномъ заводѣ Кузнецова служитъ бойкій, разухабистый парень Шаталовъ, котораго Авдотья любила за лихой и веселый нравъ, за звонкія пѣсни, да за игру на гармоникѣ... Часть денегъ она даетъ ему на сохраненье и пользованье, часть (около 3 тысячъ руб.) суетъ подъ полъ.

Лукъяновъ послѣ попойки замѣчаетъ пропажу 10 тыс. и заявляетъ подозрѣніе на Гонобобелеву. При обыскѣ у ней находятъ три тысячи, относительно остальныхъ денегъ она говоритъ, что всѣ спрятала подъ полъ, должно быть кто-нибудь ихъ укралъ. Гонобобелеву сажаютъ въ тюрьму. Оставшись на свободѣ, Шаталовъ бросаетъ работу на заводѣ, переселяется въ Нижній на ярмарку и кутитъ. Въ концѣ концовъ онъ женится, забывъ совершенно про Гонобобелеву. „Хоть бы разъ восьмушку чаю въ тюрьму принесъ“,—наивно жалуется она на судѣ. Часть денегъ у Шаталова находитъ его тетка Лѣснова и беретъ себѣ.

Кутежи Шаталова выдаютъ его; у него и у Лѣсновой дѣлаютъ обыскъ и привлекаютъ ихъ за укрывательство.

Присяжные дали Гонобобелевой снисхожденіе, Лѣснову оправдали, а Шаталова обвинили безъ снисхожденія.

N.

(*) Мы слышали, что Плевако отказался отъ всякаго гонорара въ виду обстоятельства, не имѣющаго отношенія къ описываемому дѣлу. *Примѣч. ред.*

ПО РОССІИ.

Торговля лѣсомъ на Волгѣ

въ навигацію 1893 года.

Въ навигаціонномъ періодѣ минувшаго гота сплавъ лѣса въ бѣлянахъ, баржахъ и плотахъ съ притоковъ Волги, какъ-то: Мологи, Шексны, Костромы, Ветлуги, Камы, Вятки, Бѣлой и Уфы на Волгу былъ весьма удачный, и всѣ суда и плоты вышли на Волгу благополучно, за исключеніемъ нѣсколькихъ плотовъ, запоздавшихъ сплавомъ съ р. Аи, впадающей въ Уфимку. Небольшая часть лѣса изъ дальнихъ мѣстъ всетаки осталась, за мелководьемъ, несплавленной въ силу именно дальняго пути по мелкимъ рѣчкамъ, какъ извѣстно, всегда быстро спадающимъ. Это явленіе почти постоянное, и полный сплавъ лѣса удается весьма рѣдко.

По свѣдѣніямъ о количествѣ поступившаго лѣса, приведеннымъ „Вѣстн. Фин., Пром. и Торг.“, положеніе лѣсной торговли на Волгѣ за 1893 и 1894 гг. представляется въ такомъ видѣ. Лѣсъ пиленый, тесаный, шпалы, круглый, дрова и продукты лѣсной переработки, какъ-то: смола, варъ, деготь, уголь и т. п., погруженные въ бѣляны, баржи и прочія суда, тотчасъ же по прибытіи на Волгу отправлены въ дальнѣйшій сплавъ внизъ по теченію рѣки, къ мѣстамъ назначенія и сбыта, причемъ и по Волгѣ ихъ сплавъ совершился благополучно. Изъ всего этого каравана пострадала только небольшая часть отъ потопленія бурями въ плесѣ Симбирскъ—Саратовъ. Лѣсъ въ плотахъ, въ большинствѣ случаевъ, останавливается для сбыта или въ тѣхъ же рѣчкахъ, по берегамъ которыхъ онъ выработывался, ближе къ Волгѣ, гдѣ не можетъ имъ грозить замеленіе, или же на Волгѣ, невдалекѣ отъ устьевъ тѣхъ же рѣчекъ, и только лѣсъ съ Камы и ея притоковъ останавливается для продажи въ Саратовѣ и рѣдко выше.

Ходъ лѣсныхъ плотовыхъ ярмарокъ 1893 года представляется слѣдующимъ. Лѣсъ изъ Мологи, Шексны и Костромы сбывался преимущественно въ районѣ Волги; такъ, напримѣръ, шекснинскій расходовался по Волгѣ между устьями рѣкъ Шексны и Костромы и вывозился сравнительно мало по пролегающимъ въ предѣлахъ ихъ района желѣзнымъ дорогамъ. Дѣла съ нимъ прошли весьма оживленно и по цѣнамъ выше 1892 г., хотя лѣса сплавлено и болѣе, но спросъ былъ хорошій, благодаря хорошему урожаю хлѣбовъ, въ виду котораго пристанскіе торговцы разсчитывали на оживленную строительную дѣятельность, а также на усиленную постройку судовъ. Съ своей стороны, немало покупали сами судопромышленники, которые поддерживали цѣны, въ особенности на копанъ. Такимъ образомъ, съ лѣсами на ярмаркахъ расторговались скоро и съ значительною прибылью.

Ярмарки на Ямахъ, въ Унжѣ, въ Макарьевѣ и въ Пучежѣ для лѣсовъ съ рѣкъ Немды, Унжи и ихъ притоковъ прошли еще лучше въ силу большого требованія лѣса для судовыхъ построекъ, наиболѣе развитой въ этомъ районѣ отрасли обработывающей лѣсной промышленности. Для продажи населенію на сельско-хозяйственныя и городскія постройки и здѣсь требованіе на пристани было весьма значительное; кромѣ того, на Унжѣ купили нѣсколько десятковъ тысячъ деревъ лучшихъ лѣсовъ для юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ и для вновь строящейся саратово-уральской желѣзной дороги. Поэтому лѣсъ этотъ нашелъ скорое и хорошее

И еще принадлежала
Часть Мурашкина тому, [1])
Предки чьи свою державу
Предложили (за Кавказомъ)
Павлу русскому царю.
Какъ и турки убивали,
Разоряли христіанъ,
Такъ и Грузія подпала
Подъ огонь, мечъ персіанъ.
И Георгій царь грузинскій,
Видя подданныхъ въ бѣдѣ,
Ко Второй Екатеринѣ
Обратился наконецъ.
Чтобъ спасти единовѣрный
Царству русскому народъ,
Государыня усердно
Стала Грузіи въ оплотъ.
Графа Зубова послала,
А онъ, юноша-герой,
(Удивилъ все Закавказье)
Какъ-бы молнія съ грозой
За Араксъ рѣку онъ персовъ,
Часть побивши, всѣхъ прогналъ,
И въ восторгѣ всякъ грузинецъ
Графа Зубова встрѣчалъ.
Но при дверяхъ уже гроба
Царь тогда грузинскій былъ
Ираклевичъ Георгій
Онъ народъ свой убѣдилъ—[2])
Во едино съ Русью слиться,
Тѣмъ отъ Персіи спастись
И за тронъ междусобій
Отъ родныхъ не навести.
Манифестомъ всю Россію
Павелъ Первый извѣстилъ,
Что онъ Грузію съ Россіей
Соединить благоволилъ.
И Грузинскій князь Георгій [3])
Александровичъ пришелъ
Жить въ Россію и у добрыхъ
Государей пріобрѣлъ
Онъ и вотчины богаты,
И съ ключемъ былъ камергеръ,
И начальство онъ надъ ратью
Въ годъ двѣнадцатый имѣлъ.
И эксцентрикъ онъ былъ странный—
Очень набоженъ ужъ былъ,
Создалъ въ Лысковѣ три храма
Къ службѣ каждый день ходилъ,
(Какъ Суворовъ) и псалмы тамъ
На заутренѣ читалъ,
И несчастныхъ, бѣглыхъ, странныхъ
Отъ гоненій укрывалъ.

(Продолженіе будетъ).

[1]) Князю Георгію Александровичу Грузинскому помѣщику села Лыскова и проч. вотчинъ.

[2]) Александръ Иракліевичъ братъ царя Георгія на подданство русскому императору не соглашался, а ушелъ къ шаху и убѣждалъ его помочь ему въ достиженіи престола, но персидскій шахъ въ томъ ему отказалъ.

[3]) Былъ-ли (Лысковскій владѣлецъ) князь грузинскій сынъ Александра Иракліевича брата царя Георгія, или другого—неизвѣстно.

Черемисская свадьба.

(Этнографическій очеркъ).

Изъ многочисленныхъ обычаевъ и обрядовъ, существующихъ у черемисъ, наиболѣе типичны обряды, сопровождающіе сватовство и самую свадьбу. Такъ, напримѣръ, если молодой черемисъ вздумаетъ жениться, онъ прежде всего ищетъ свата или сваху „ыдыр-мошо“ (ыдыр—дѣвица, мошо—нашедшій). Они ведутъ переговоры во время сватовства и всячески стараются расхвалить жениха, увѣряя, что онъ человѣкъ богатый, добрый, трудолюбивый, непьющій, а о недостаткахъ его, конечно, умалчиваютъ. Свата или сваху женихъ долженъ найти въ той же деревнѣ или селѣ, гдѣ живетъ невѣста, а если здѣсь нѣтъ подходящихъ, то—въ другой деревнѣ или въ селѣ, только бы они были хорошо знакомы съ родными невѣсты. День, въ который женихъ впервые посѣщаетъ невѣсту, называется по черемисски „ыдыр-анчаш“ (анчаш—смотрѣть). Никогда женихъ со свахой въ первый разъ къ невѣстѣ пѣшкомъ не пойдетъ, хотя бы пришлось сдѣлать всего нѣсколько шаговъ; они непремѣнно поѣдутъ на лошади, запряженной въ тарантасъ.

Смотрины, обыкновенно, назначаются въ праздничные дни. Если невѣста жениху не нравится, то черезъ нѣсколько минутъ, по пріѣздѣ въ ея домъ, онъ беретъ шапку и, ничего никому не сказавъ, выходитъ изъ избы и больше въ нее не возвращается. Замѣтивъ, что женихъ вышелъ изъ избы, ничего не сказавъ, сватъ тоже подъ какимъ-нибудь предлогомъ уходитъ и вмѣстѣ съ женихомъ уѣзжаетъ домой. Если же невѣста жениху нравится, онъ изъ избы не выходитъ, а если и выйдетъ, будучи кѣмъ-либо вызванъ, то оставляетъ въ избѣ шапку и спѣшитъ скорѣе возвратиться назадъ.

Послѣ долгихъ разсужденій о постороннихъ предметахъ, женихъ, съ помощью свата или свахи, объявляетъ цѣль своего посѣщенія и спрашиваетъ, согласны ли родители невѣсты выдать за него замужъ свою дочь; при этомъ, онъ проситъ назначить день сватовства. Этотъ день по-черемисски называется „ыдыр-юаш“ (юаш—пить). Въ случаѣ согласія, въ назначенный день сватовства, въ домъ невѣсты, вмѣстѣ съ женихомъ ѣдутъ его отецъ и кто-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ. Они привозятъ въ подарокъ цѣлую сумку печеныхъ на сковородѣ лепешекъ, которыя по черемисски называются „селмя-кинда“ (селмя—сковорода, кинда—хлѣбъ). Этими лепешками невѣста угощаетъ своихъ гостей. Во время сватовства женихъ справляется, каковъ будетъ выкупъ или калымъ („ална“) за невѣсту. За красивую невѣсту, съ хорошимъ приданымъ, обыкновенно, запрашиваютъ дороже, а за некрасивую и бѣдную—дешевле. Самый высокій калымъ достигаетъ 75 и даже 100 рублей, а самый низкій—10 рублей. Женихамъ предоставляется право торговаться. Когда согласятся въ цѣнѣ калыма, всѣ присутствующіе въ избѣ встаютъ, зажигаютъ передъ образами свѣчку и начинаютъ молиться, чтобы Богъ даровалъ намѣревающимся вступить въ бракъ миръ и согласіе. Затѣмъ, присутствующіе на сговорѣ принимаются за пиво и вино. Мать невѣсты обходитъ сосѣдей и приглашаетъ ихъ „пропивать дочку“ (ыдыр-юаш). Каждый изъ приглашенныхъ, входя въ домъ, крестится и говоритъ: „пуро-вада“ (добрый вечеръ); на это хозяинъ или хозяйка отвѣчаютъ: „шули“, „сиц-анцкрак“ (будь здоровъ, садись поближе). Когда званые соберутся, хозяйка беретъ одну изъ лепешекъ, привезенныхъ женихомъ, и даетъ съѣсть отъ нея по кусочку каждому изъ присутствующихъ въ избѣ; затѣмъ, почти всѣ угощаются виномъ и расходятся по домамъ.

Свадьба происходитъ черезъ двѣ или полторы недѣли послѣ дня сватовства. Въ этотъ промежутокъ времени каждый день собираются къ невѣстѣ ея подруги и помогаютъ ей шить бѣлье. Въ день свадьбы никакого пиршества у черемисъ не бываетъ,—оно обыкновенно устраивается черезъ два или три дня послѣ вѣнчанія, и до того времени повѣнчавшіеся живутъ врозь по домамъ своихъ родителей. Ко дню свадебнаго пиршества женихъ долженъ выбрать изъ своихъ близкихъ родныхъ особыхъ „почетныхъ гостей“. Первое мѣсто между ними занимаетъ „суан-вуй“ (голова свадьбы). Въ эту должность избираются, обыкновенно, люди пожилые и наиболѣе уважаемые. „Суан вуй“ является распорядителемъ на свадьбѣ со стороны жениха, и безъ его позволенія гости на свадьбѣ не могутъ ни пѣть, ни плясать. Послѣ „суан-вуя“, второе мѣсто занимаетъ „кого-винка“ (большой зять), должность котораго состоитъ только въ томъ, что онъ на своей лошади везетъ къ невѣстѣ и обратно жениха и увозитъ приданое невѣсты. Третье мѣсто занимаютъ двое молодыхъ людей 18—25 лѣтъ, которые называются „арвинка“. Обязанность ихъ состоитъ въ исполненіи приказаній хозяина и „суан-вуя“ и въ угощеніи гостей виномъ. Со стороны невѣсты избираются только двѣ молодыя дѣвушки, ея подруги „ыдыр-куперы“, которыя угощаютъ на свадьбѣ гостей пивомъ. Въ день свадебнаго пиршества „арвинки“, для созыва гостей на свадьбу, объѣзжаютъ всю деревню или село, гдѣ живетъ женихъ, на лошади, запряженной въ тарантасъ и украшенной яркими цвѣтными лентами. Подъ дугой привязываютъ колокольчикъ Сами „арвинки“ бываютъ одѣты въ красную рубаху съ жилетомъ, въ сапогахъ и картузѣ. (П. В.).

(Окончаніе будетъ).

помѣщеніе, по цѣнамъ выше костромскихъ, шекснинскихъ и мологскихъ. Ярмарка съ ветлужскимъ лѣсомъ въ Козьмодемьянскѣ была одною изъ блестящихъ 1893 г., такъ какъ районъ расхода съ нея лѣса большій, чѣмъ на другихъ ярмаркахъ, а именно отъ Козьмодемьянска до Астрахани и въ Москву (брусъ); но въ этомъ районѣ постройка судовъ незначительна. Здѣсь спрашивали лѣсъ для всѣхъ волжскихъ пристаней, лежащихъ ниже Козьмодемьянска, много купили для тѣхъ же желѣзныхъ дорогъ и для Дона; все это разумѣется, вызвано обильнымъ урожаемъ хлѣбовъ въ Поволжьѣ въ 1893 г., такъ что зимнія и весеннія предположенія, что лѣсъ будетъ дешевле зимнихъ и весеннихъ запродажъ неоправдались, а, наоборотъ, лѣсомъ торговали съ повышеніемъ 10—25% противъ зимнихъ запродажъ. Въ Москву было отправлено до 35.000 брусьевъ длиною 12—13 аршинъ, разной толщины. Покупатели прибыли на ярмарку, вслѣдствіе распродажи лѣса на низовыхъ пристаняхъ вчистую, очень рано, еще до начала ярмарки, а потому они и явились для покупки даже ранѣе продавцовъ. Результаты получились для лѣсопромышленниковъ небывалые, и лѣса для многихъ не хватило.

Лѣсами съ Камы и ея притоковъ въ Саратовѣ и на другихъ пристаняхъ торговали не хуже ветлужскихъ. Сплавъ лѣсовъ въ плотахъ къ мѣстамъ назначенія, т. е. на низовыя пристани, совершенъ сравнительно благополучно, хотя и были единичные случаи раскидыванія плотовъ бурей; сплавъ въ большинствѣ случаевъ произведенъ рабочими-сплавщиками; немало было, правда, сводки плотоваго лѣса и подъ буксиромъ парохода; такъ, всѣ лѣса, купленные желѣзными дорогами, шли подъ буксиромъ парохода; часть лѣсовъ астраханскими и царицынскими покупателями была тоже забуксирована пароходами; нѣкоторые изъ лѣсопромышленниковъ отдавали подъ пароходы сводку плотовъ.

Сплавъ лѣсовъ рабочими людьми обошелся нѣсколько дороже, чѣмъ въ навигацію 1892 года. Лѣсъ, купленный въ разныхъ мѣстахъ желѣзными дорогами, весь сводился къ мѣстамъ назначенія пароходами; были отправки подъ пароходами и частными лѣсопромышленниками, но въ меньшемъ противъ 1892 г. количествѣ, вслѣдствіе болѣе высокой платы пароходамъ за сводку; разница въ цѣнѣ за сводку лѣсовъ подъ пароходами противъ сплава рабочими достигала приблизительно 20—30% въ пользу пароходчиковъ. Въ общемъ, сплавъ рабочими лѣса весенней породы оказался дороже 1892 года на 20—25%, лѣтней сгонки на 50—60% и подъ пароходами отъ 50 до 80%. Сплавъ пиленыхъ, тесаныхъ товаровъ, мелочей и продуктовъ лѣсной переработки тоже былъ дороже 1892 г. (П. В.)

(Окончаніе будетъ).

Н. С. Лѣсковъ.

(Некрологъ).

Въ ночь на 21-е февраля скончался одинъ изъ видныхъ и своеобразныхъ представителей русской литературы шестидесятыхъ годовъ, авторъ надѣлавшихъ въ свое время столько шума и вызвавшихъ столько незаслуженныхъ порицаній романовъ „Некуда" и „На ножахъ", Николай Семеновичъ Лѣсковъ, крупный художественный талантъ котораго, глубоко захватывавшій исконный бытъ русскаго народа, мѣтко рисовавшій особенности народнаго міросозерцанія, внутреннихъ основъ народной жизни, сохранившіяся, главнымъ образомъ, среди православнаго духовенства, наиболѣе ярко сказался въ романѣ „Соборяне", въ повѣсти „На краю свѣта", въ разсказахъ „Запечатлѣнный ангелъ" и „Очарованный странникъ". Этими произведеніями Лѣсковъ пріобрѣлъ прочную извѣстность талантливаго наблюдателя малоизвѣстнаго до него быта духовенства, глубокаго знатока раскола, оригинальнаго повѣствователя. Недостатки, вообще присущія таланту Лѣскова (манерность въ описаніяхъ, утрировка въ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ, вычурность языка), не лишали и не лишаютъ значенія этихъ произведеній, и они навсегда останутся среди выдающихся созданій русскаго художественнаго слова. Подведя въ 1890 г. какъ бы итоги своей литературной дѣятельности изданіемъ собранія сочиненій въ 10-ти томахъ, Н. С. не переставалъ работать до послѣдняго времени, помѣстивъ въ разныхъ журналахъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ („Полунощники", „Разсказы кстати", „Пустоплясы", рядъ легендъ по „Прологу" и др.).

Н. С. родился 4-го февраля 1831 г. въ селѣ Гороховѣ, Орловской губ., въ дворянской семьѣ. По окончаніи курса въ орловской гимназіи, онъ поступилъ въ кіевскій университетъ, въ которомъ пробылъ три года, но курса не кончилъ, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся семейныхъ обстоятельствъ, заставившихъ его съ 16-ти лѣтъ содержать себя собственнымъ трудомъ, терпѣть невзгоды и лишенія, такъ какъ все имущество, оставшееся послѣ отца, сгорѣло во время орловскихъ пожаровъ 40-хъ годовъ. Пробывъ нѣкоторое время на службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, Н. С. служилъ затѣмъ на частной, требовавшей частыхъ разъѣздовъ и давшей, такимъ образомъ, возможность близко познакомиться съ бытомъ разныхъ сословій, изучить нравы различныхъ мѣстностей, сдѣлать множество наблюденій, послужившихъ богатымъ матеріаломъ для его беллетристическихъ произведеній и публицистическихъ работъ.

Начавъ литературную дѣятельность въ 1860 году газетными и журнальными статьями, Н. С. выдвинулся съ появленіемъ романа „Некуда" (1865 г.), въ которомъ изобразилъ сущность тогдашняго общественнаго движенія. Романъ этотъ нѣкоторые критики назвали „доносомъ" на молодое поколѣніе, и противъ автора началось гоненіе, хотя дѣйствительность была обрисована по большей части вѣрно. Конечно, „Некуда", какъ и позднѣйшій романъ „На ножахъ", были не выдержаны въ художественномъ отношеніи, не смотря на многія прекрасныя частности, но все таки Лѣсковъ не заслуживалъ ожесточенныхъ порицаній, доказывавшихъ только отсутствіе у критиковъ литературной добросовѣстности.

Оставивъ обличительное направленіе, Н. С. постепенно, начиная со средины 70-хъ годовъ, написалъ рядъ произведеній, выше названныхъ, въ которыхъ проявилъ положительныя стороны своего характернаго дарованія. Главная сила его заключается въ яркости психологической характеристики, въ созданіи разнообразныхъ характеровъ и типовъ душевнаго строя. Живописаніе являлось слабою стороною дарованія автора „Соборянъ", и вотъ почему въ его произведеніяхъ большая часть дѣйствующихъ лицъ слабо очерчена съ внѣшней стороны, почему почти нѣтъ въ его романахъ и повѣстяхъ описаній природы, почему, наконецъ, обстановка, въ которой развивается дѣйствіе, обыкновенно бываетъ очерчена слегка или совсѣмъ не описана. Покойному писателю удавались произведенія, позволявшія болѣе сосредоточиваться на духовной сторонѣ изображаемыхъ лицъ.

Крупной заслугой Н. С. передъ русскимъ обществомъ и литературой должно быть признано созданіе цѣлаго ряда превосходныхъ положительныхъ типовъ, во главѣ которыхъ, несомнѣнно, стоитъ протопопъ Савелій Туберозовъ —главное дѣйствующее лицо въ „Соборянахъ". Съ большимъ искусствомъ, въ правдивомъ освѣщеніи, авторъ охарактеризовалъ этого замѣчательнаго пастыря, строго и съ любовью исполняющаго свои обязанности, его смиреніе при невзгодахъ, его кротость и простоту у домашняго очага. Можно безъ преувеличенія сказать, что этотъ величавый образъ—одно изъ лучшихъ лицъ въ русской литературѣ, очень бѣдной положительными типами.

Нельзя обойти молчаніемъ положительныхъ типовъ, созданныхъ Лѣсковымъ въ разсказахъ: „Однодумъ", „Кадетскій монастырь" и „Инженеры безсребренники", точно также какъ игуменьи Агніи и Лизы Бахаревой въ романѣ „Некуда". Въ повѣсти „На краю свѣта" покойный писатель изобразилъ замѣчательнаго зырянина, не понимающаго самой первоначальной сущности христіанства, но въ высокой степени самоотверженнаго и честнаго до мелочей. Положительныя стороны таланта Н. С. сказались также въ разсказахъ „Очарованный странникъ" и „Запечатлѣнный ангелъ"; особенно первый замѣчателенъ по разнообразію сценъ, остроумію, мѣткости и сжатости характеристикъ, увлекательности изложенія, заставляющей самые необыкновенные описываемые случаи считать возможными и несомнѣнными.

Своеобразенъ былъ покойный Н. С. въ своихъ произведеніяхъ, своеобразенъ былъ онъ и въ жизни, но никто и никогда не могъ упрекнуть его въ недостаткѣ самаго искренняго благорасположенія ко всему дѣйствительно хорошему; онъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ отъ начала своей дѣятельности и до конца ея, къ сожалѣнію—безвременнаго и неожиданнаго. (П. В.)

Прошу считать недѣйствительной утерянную мною квитанцію Нижегородскаго Отдѣленія Волжско-Камскаго Коммерч. банка отъ 12 марта 1893 г. за № 1264 на выданную подъ залогъ 2 бил. 1, 2 съ в. займа и 1 закл. съ в. листа Госуд. Двор. Зем. банка ссуду 550 р. 3—1

Симъ заявляю, что подлинная квитанція нижегородской конторы Высочайше утвержденнаго Россійскаго Общества морского, рѣчного, сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей и товарныхъ складовъ съ выдачею ссудъ, выданная 28 августа 1894 года, за № 547637, на товаръ, отправленный мною въ Кіевъ предъявителю, въ количествѣ двухъ мѣстъ валеной обуви, застрахованный въ 200 рублей, мною утеряна, почему прошу считать означенную квитанцію недѣйствительной и для Россійскаго Общества необязательной.

Н.-Новгородъ, февраля 23 дня, 1895 года.

Гурьянъ Кузьмичъ *Румянцевъ*. 3—3

Нижній-Новгородъ. 15 марта 1895 г. Нижегородская губернская типографія. Редакторъ Г. Демьяновъ.